
А. Н. Качалкин

ТАМОЖЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ XVII в. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Современная лексикология, если говорить о языке диалектном, ненормированном, не может обходиться без изучения семантической эволюции и географии слова. Сочетание этих двух планов исследования стало необходимым и для этимологических изысканий в области славянских языков.

Общеизвестны мнения ученых о достоинствах и недостатках материала, взятого из подлинников прошлых эпох и почерпнутых из живых диалектов. В настоящее время определилась точка зрения, что оба эти источника важны и должны дополнять друг друга. Можно, однако, заметить, что наши знания о лексике современных диалектов значительно превосходят сведения по словарному составу памятников письменности.

Для обсуждения вопросов лексики в плане исторической географии могут быть особенно полезны памятники одного жанра (однотипные документы), написанные местными людьми в разных областях Русского государства. Из древних эпох наиболее благоприятен в этом отношении XVII в., ибо памятники этого периода сохранились в количестве, превышающем материалы всех предшествующих столетий вместе взятых.

Изучение словарного состава XVII столетия имеет и специальный интерес, так как именно с этим временем связан этап становления русского национального языка. Развитие экономических и культурных связей, сопровождавшееся расширением круга бытовых, административных и иных социальных понятий, требовало привлечения дополнительных лексических средств. Одним из источников новых для русского языка словарных ресурсов были говоры.

В XVII в. широкое развитие получает торговля. Неуклонно развивается сеть «мелких и больших рыночных центров, объединивших свои округа, дальнейшее укрепление областных рынков с преобладанием на них специальных товаров и одновременным

общим расширением ассортимента товаров»¹. Для этого столетия характерно начало нового этапа в развитии торговых связей до национального масштаба, концентрирование небольших местных рынков в единый всероссийский рынок².

Цель данной статьи — привлечь внимание лингвистов к еще не разработанному жанру местных деловых памятников — таможенными книгам. По тогдашним законам каждая торговая сделка облагалась пошлиной; расширение торговли вызывало рост таможен. Таможенные избы находились на всех торговых путях; на небольшие дороги посылались таможенные заставы, и, очевидно, мало кому удавалось продать свой товар «украдкой» — как правило, «явленный» товар заносился в таможенную книгу. Часть этого материала опубликована. В 1950—1951 гг. под редакцией члена-корреспондента А. И. Яковлева был издан трехтомник таможенных книг по северному речному пути: Устюгу Великому, Сольвычегодску, Тотьме (1633—1636 гг.). К этому ценнейшему изданию, снабженному разнообразными указателями, в том числе и предметным, часто обращаются как историки, так и лингвисты. Но это первое издание таможенных книг является, к сожалению, пока что последним. Неопубликованными остаются хранящиеся в архивах фонды таможенных книг по Тихвину, Холмогорам, Вязьме, Романову (Бахмуту), а также по Брянску, Зарайску, Каргополю, Карачеву, Рязани, Твери.

У филологов рукописные таможенные книги пока что не были объектом специального изучения. В связи с характеристикой книг Денежного стола Н. С. Коткова описала как лингвистический источник ту часть таможенных книг, которая хранится в этом фонде Центрального государственного архива древних актов³. Однако до сих пор не было сделано попытки учесть по возможности все сохранившиеся не только книги, но и вообще таможенные документы. Вместе с тем представление о территориальном распространении сохранившихся таможенных документов позволило бы точнее судить об имеющихся возможностях изучения определенных лексических пластов русского языка в историко-географическом плане.

В процессе работы над фондами центральных библиотек и музеев удалось выявить группы таможенных документов, связанных с определенными территориями Русского государства XVII в. В результате складывается следующая картина.

Таможенные книги сохранились по разным территориям лучше многих других жанров тогдашнего делопроизводства, но все же представлены неравномерно. Полностью отсутствуют (или не обнаружены нами) таможенные документы по таким крупным

¹ «Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в.», М., 1955, стр. 114.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

³ См. Н. С. Коткова. Книги Денежного стола. В кн.: «Источниковедение и история русского языка», М., 1964, стр. 190—202.

центрам, как Архангельск, Новгород, Ярославль, Вологда. Нет памятников этого типа по всей восточной части замосковных городов и Нижнему Поволжью, в том числе Астрахани.

В благоприятном положении оказались упомянутые в связи с изданными книгами города Северного Поморья. Очень ценен корпус Тихвинских таможенных книг, первые из которых относятся к 1624 г., а последующие сохранились за каждый год в течение всего столетия. На западной границе Московского государства несколько меньший фонд сохранился по Вязьме. Здесь книги представлены за период с 1649 по 1689 г. Гораздо беднее фонды других западных городов: Пскова, Торопца, Великих Лук, Смоленска. Среди юго-западных городов хорошо сохранились таможенные книги по Рыльску и Путивлю.

В относительно благоприятном положении находится южная окраина, граница которой в XVII в. проходила по Белгородской засечной черте. В 1645—1648 гг. на этой черте было построено много новых городов: Ольшанск, Карпов, Болхов, Новый Оскол, Коротояк, Усмань. Сохранившиеся таможенные книги этих городов позволяют представить определенные лексические пласты южнорусских говоров в период формирования новых диалектов непосредственно после заселения новых городков.

Из городов, уже существовавших на юге к XVII в., таможенные книги неплохо сохранились по Белеву, Орлу, Тамбову. Таможенные выписки на отдельные товары и другие документы сохранились по Данкову, Калуге, Кайгороду, Костроме, Нижнему Новгороду, Новой Ладогe, Осташкову, Рославлю, Угличу, Шуге, Юрьеву-Польскому и другим городам Средней Руси.

Таможенные документы представлены несколькими типами. Это «Росписные списки» таможенных голов — главных лиц таможен. Прежний таможенный начальник передавал новому «ропись» таможенной избы со всеми ее «снастями»: документами, обстановкой, утварью, остатками сборов с проезжающих натурой и деньгами, хлебными и другими припасами.

«Росписным спискам» аналогичны «Счетные списки», которыми таможенный голова также отчитывался за период своего правления, но с той разницей, что в «Счетных списках» он давал объяснения по поводу тех или иных недоразумений, возникавших при сборе пошлинных денег.

В таможенных избах велись «Расходные книги», где записывались причины тех или иных денежных затрат: починка избы, средств сообщения; приобретение бумаги, новой утвари в избу, хлебных и других припасов, расходы на отправку в Москву пошлинных сборов. В случае больших затрат по этой статье расхода составлялся специальный документ: «Книга хлебных покупок», «Строельная книга».

В некоторых таможенных избах сохранились «Товарные ценные росписи», где сообщались цены в данном году на хлеб, мед, порох, свинец, масло, сало, бумагу и другие товары, среди

которых встречаются и экзотические: *бисер, корольки, одекуй* и т. п.

Среди таможенных документов отложились «Выборы» посадскими людьми таможенных голов и «Целовальные записи», по которым таможенные головы при вступлении в должность приводились «к вере». В фондах местных таможен нередко встречаются также «Относные» или «Отдаточные книги» и «Росписи таможенных книг».

Самый распространенный тип таможенных документов — таможенные, или явчие, книги. Они состоят из отдельных записей, «явок», в которых обозначено, кто, откуда и сколько привез или провез товара. Например: «Плыл на плотце с Пънеги мимо Устьпънескую заставу кевролецъ Чаколской волости Яковъ Григоревъ с товарищем с ними дватцат шесть каменей точил конец усчинъ» (ЛОИИ, Холм., 834) ⁴.

Или: «Тихвинец посацкой члекъ Алексѣи Ларионов снѣ явил товару лавочного три шапки участочных золотых женских да вершок золотой да трицат шапок отласных женских да 50 шапок крашенных два бобра» (ЛОИИ, Свир., 184, 6). Еще пример: «Явил Третьякъ Санковъ 2 горшка масла, 2 кожи говяжьей да две кожи одирки, боров мяса, 2 овчины козлика, 5 опойков лосины вопчѣ с Василемъ Гробниковым» (ЛОИИ, Тихв., 3, 38). В следующей явке подробно перечисляются взятые на таможе пошлины: «Явил вяземский козак Алексей Иванов на возу товару дватцат пят пуд соли бузуну... пошлин взято по пяти денег с рубля вещей два алтна явки с нево двѣ денги возовых восемь денег отвороту с пуда по полуденги» (ЦГАДА, Вязьма, 14, 1 об.).

По таможенным книгам можно установить названия местных и привозных товаров, связи определенного населенного пункта с другими, количество людей, приезжавших в данный город из других земель. Сведения о движении товаров и маршрутах купцов позволяют определеннее говорить о междиалектных связях отдельных областей России.

С точки зрения лексической информативности таможенные документы неоднородны. В «Росписных списках» и «Счетных списках» в перечнях обстановки и утвари таможенной избы отражена обычная бытовая лексика: *тчан, поскребуха железная, две пешни, которыми лед колют и головни таскают* (ЦГАДА, Нерч., № 142, лл. 7—9). Особенно разнообразно представлены названия мер: *фунт, вески, аршин, безмен, орел* и т. п. (ЦГАДА, Нерч., № 142, лл. 20—21). При описаниях таможенной избы встречаемся

⁴ Приводимые примеры взяты из неопубликованных таможенных книг. После названия места хранения: ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории — дается сокращенное название города, указывается номер единицы хранения и номер листа дела. Чаще других будут встречаться города Тихвин, Вязьма, Нерчинск, Холмогоры, Свирь — их фонды были проработаны специально, в то время как остальные группы документов лишь учтены и бегло просмотрены.

со своеобразной канцелярской терминологией: документы представляют собой *книги*, *столпы*, отдельные документы находятся в *свертках* и в *связлах*.

«Относные книги» представляют собой перечни пошлин, отнесенных воеводе или отвезенных в Москву. Лексически «Относные книги» однообразны. Аналогичны в этом отношении «Росписи таможенных книг» — сугубо канцелярские отчетные документы.

Интересным историческим фактом является разрешение правительством к концу XVII в. свободного «питья табаку» — курения. Продажей этого соблазнительного товара часто занималась сама администрация таможенных изб, и поэтому в их делах нередко можно видеть специальные «табашные книги». Но записи в этих книгах довольно однообразны, в основном о том, когда, кому именно и сколько продано табаку, поэтому в лексическом отношении эти документы не представляют особого интереса.

Наиболее содержательны и интересны в лексическом плане таможенные книги. Если исключить слова, относящиеся к традиционному штампу записи, стоимости товара, то остается богатая предметно-бытовая и терминологическая лексика, в которой можно найти немало диалектных слов.

Через названия товаров в таможенных книгах получили отражение названия предметов домашнего обихода: *Кожа* — мешок из шкуры животного: «Ъхал... колмогорець Яков Собакинъ с нимъ в двух кожах по смѣте четырнадцать рыб чиров и пеледей свѣжих» (ЛОИИ, Холм., 359); *Козушка* — вид кожаного кошелька: «Товару... 30 ножей, 30 ножны, 20 гребешков малых, 10 козушок, 60 мешечков» (ЛОИИ, Тихв., 3, 49); *Копытчатый замок*: «Колмогорец Сава Иванов сынъ явилъ по двум колмогорскимъ таможеннымъ выписемъ... дватцать замковъ висячихъ копытчатыхъ» (ЛОИИ, Холм., 1096); *Крошня* — плетенная из прутьев корзина: «Н руковиць крошня изюму» (ЛОИИ, Тихв., 438, 13); *Лубок* — плетенная из луба корзина: «Лубокъ икры вѣсу пять пудъ» (ЛОИИ, Тихв., 1138, 62); *Монистце*: «100 монистец оловянныхъ» (ЛОИИ, Тихв., 3, 43) и др.

Очень подробно представлена в таможенных книгах лексика местных промыслов, названия предметов производства, видов изделий. Например: *Мостина* — шкура крупного скота, выдубленная, но еще не отделенная: «Явил белозерского уѣзду Третьяк Василевъ сынъ 35 кож яловичьихъ 8 овчин лосина сала сырцу 22 круга да мостина 6 выдер» (ЛОИИ, Тихв., 3, 136 об.); *Мячилный* и *мячинный* — сыромятный: «И кож болшихъ мячилныхъ н опиковъ гъ выростковъ болшихъ» (ЛОИИ, Тихв., 324, 4 об.). «Къ кож мячинныхъ л опиковъ» (ЛОИИ, Тихв., 333, 37 об.).

Интересны также термины промыслов и хозяйственной деятельности в следующих сочетаниях: «лну сланцу и моченцу на 3 возѣхъ» (ЛОИИ, Тихв., 316, 18); «семъ тысячъ ложекъ прямыны двѣ тысячи коренныхъ» (ЛОИИ, Тихв., 273, 9); «сто аршин ус-

чины сто аршинъ холста бѣленого сорок мотков нитеи» (ЛОИИ, Холм., 1175); «мѣх соболеи лапчатой» (ЛОИИ, Тихв., 243, 10); «луджина зеркаль книжчатых хрустальных большой руки» (ЛОИИ, Тихв., 906, 48).

Иного плана промысловая терминология отражена в местных названиях зверей и рыб. Таковы *Копанец* — род песка: «Осталыхъ непроданныхъ товаров... два пуда бисера цвѣтного пять песцов копанцовъ шуба песцовая копанцовая» (ЛОИИ, Холм., 73); *Бель* — всякая чешуйчатая мелкая рыба: «Явилъ Иван Волжковъ 3 бочки сигов бѣли да бочка сиговъ же неполна» (ЛОИИ, Тихв., 251, 24); *Корбукс* (*корбокс*) — вид рыбы: «Явилъ Остафеи Гаврилов ар плотиць да т корбуксовъ» (ЛОИИ, Тихв., 344, 4); «Явилъ Алексѣи Самылин полторы тысячи рыбы свѣжей корбоксов да бочка лешка рыбы сигов» (ЛОИИ, Тихв., 1138, 37); *Лудошь* — вид сига: «Явилъ тихвинец Исак Панфилов шестьсотъ лудоши песочечной да череп масла» (ЛОИИ, Тихв., 355, 22).

Нельзя считать, что в таможенных книгах отражена вся торговая лексика XVII в. В них нет названий видов торговли, торговых сделок, денежных отношений. Но очень широко, подробнее, чем в документах других типов, представлены названия различных товаров или же людей, занимающихся торговлей: *купцы, покрученники, приказчики, прыжки*.

Таможенные книги содержат и лексику, почти не встречающуюся в других документах. Это разнообразные, очень дифференцированные наименования пошлин. Так, за услуги и действия, связанные со сбором пошлин, взимались *амбарная, взбойная, весчая, врезная, гостиная, контарная, отворотная, писчая, подзачочная, подъемная, рукознобная, свальная*. Кроме того отмечаем в документах *десятую, дужную, замыт, записную, померную, перекупную, печатную, порядную, рублевую* пошлины.

Некоторые виды пошлин встречаем лишь на определенной территории. Только в тихвинских книгах отмечаем пошлину, называвшуюся *корговое*; значение этого слова определить из контекста трудно: «Взято пошлины съ Якова... коргового 6 де да с Николского по его выти взято пошлины зъ 3 рублевъ без чети 8 де» (ЛОИИ, Тихв., 3, 1 об.); «Явилъ Петръ Поршеников с товарищемъ бочка рыбы стерлядей... бочка судовок плотиць сухих ау корговое с судна цена рыбы ай рублевъ» (ЛОИИ, Тихв., 75, 7).

Таможенные избы были лишь центром таможенного дела в определенной области. Сбор же пошлин проводился по дорогам всего уезда. К сожалению, названия товаров, которые везли на местные торжки или ближайšie ярмарки крестьяне, непосредственно их производившие, не зафиксированы в таможенных документах — в них называется лишь общая сумма собранных пошлин. Эти названия (может быть, и в измененном виде) получали отражение в таможенных книгах тех городов, которые скунали говары у крестьян для продажи оптом за границу; здесь среди

общеизвестных видим такие слова, как *прядево*, *кричное железо*, *вареги*.

В таможенных книгах нередко указывается место производства предметов. С одной стороны, это сразу «привязывает» тот или иной диалектизм к территории его активного употребления: «погребцы устюжского дела», «холмогорские подголовки», но, с другой стороны, описательное наименование реалии может быть дано вместо диалектного ее названия: не исключено, что записанные в вяземских таможенных книгах «пермские пояски», «ярославские пуговицы», «сольвычегодские чарки» на своей родине назывались по-другому.

Интересным может оказаться сравнение беловых таможенных книг с их черновыми вариантами. Хотелось бы надеяться, что, подобно воеводским отпискам, черновой и окончательный варианты книг будут иметь лексические расхождения в смысле большего отражения первыми местных слов. Черновых книг, к сожалению, сохранилось очень мало — после появления белого, отчетного для Москвы экземпляра, составители утрачивали к ним интерес. Известны все же две объемистые черновые книги по Устюгу Великому, одна — по Москве, несколько книг — по Сибири.

Таможенные книги сообщают названия и собственно иностранных товаров, как уже знакомых русскому человеку, так и впервые ввозимых в Россию. Особенно интересно наименование этих товаров в небольших, далеко отстоящих от границы российских городах — это дает конкретный материал для выяснения глубины проникновения иноязычного слова в русский язык, характера освоения его русскими говорами (например, шуйскими говорами слов *санда*, *килим*, *анис*, *кострыш*, *ярengi* и им подобных). Особый интерес представляют случаи названия на иноземный манер товаров, производимых в русском городе — «ярославские киндяки».

При перечисленных достоинствах таможенные книги имеют существенный недостаток — крайнюю ограниченность контекста. Как сравнительно неплохо сохранившийся тип документов они фиксируют то или иное слово для определенной территории, но подробный контекст приходится искать в документах других жанров (челобитных, расспросных речах), если, конечно, они сохранились по этой территории.

И все же таможенные книги предоставляют исследователю богатый и разнообразный лексический материал, особенно полезный для целей исторической лингвогеографии. Мы говорили здесь преимущественно о лексике диалектной и терминологической, но лексикологу интересен и общий словарный фонд делового языка XVII в. Таможенные книги и в этом плане дают богатые сведения. Одна из ближайших задач историков русского языка, как нам кажется, в учете и привлечении материалов местных архивов и музеев, в дальнейшей разработке фондов центральных древлехранилищ.